

К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИИ СУБЪЕКТА РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА

Черешова С. В.

*Аспирант. Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н.Ельцина.*

*Институт государственного управления и предпринимательства. Кафедра
социологии и социальных технологий управления.*

e-mail: s.v.shereshova@yandex.ru

г. Екатеринбург, Россия

IDEAS ABOUT MOTICATION OF THE SUBJECT OF PARENTAL WORK

Chereshova S.

Graduate student. Ural Federal University

The name of the first President of Russia B.N. Yeltsin.

*Institute of Public Administration and Entrepreneurship. Department of
Sociology and Social Management Technologies.*

E-mail: s.v.shereshova@yandex.ru

Yekaterinburg, Russia

АННОТАЦИЯ

В работе рассматривается вопрос о специфике мотивов, лежащих в основе деятельности субъекта родительского труда. Опираясь на анализ профильной литературы, предпринимается попытка последовательно объяснить мотивацию субъекта родительского труда с позиций теории социального действия М. Вебера, теории социальных систем Т. Парсонса, теории

символического интеракционизма Дж.Г. Мида и Г. Блумера, а также психологической концепции мотивации А. Маслоу. Признавая их высокие эвристические возможности, делается вывод, что все они по разным причинам могут быть лишь ограниченно применимы для реконструкции мотивов субъекта родительского труда. В качестве альтернативы этим подходам предлагается использовать подход А.В. Меренкова, который позволяет понять мотивацию субъекта родительского труда через систему его потребностей. Итогом рассуждений является вывод, что мотивация субъекта родительского труда может включать в себя как минимум 6 наименований: любовь, продолжение рода, общественный долг, личный долг, изменение социального статуса, выгода.

ABSTRACT

This paper deals with the problem of motives, which determine the activity of the subject of parental work. Using the analysis of professional literature, the author consistently tries to explain the motivation of the subject of parental work by implementation of the theory of social action (M. Weber), the theory of social systems (T. Parsons), theory of symbolic interactionism (J.H.Mead and G. Blummer), as well as the psychological conception of motivation by Abraham Maslow. Noting their high heuristic possibilities, the author comes to the conclusion that all of them (for various reasons), can only be partially applied to the reconstruction of the motives of the subject of parental work. As an alternative to these approaches the author proposes to use the approach of A.V. Merenkov, which allows to explain the motivation of the subject of parental work through the complicated system of requirements of the subject. In the end, the author concludes that the motivation of the subject of parental work may include at least 6 different positions: love, procreation, public debt, personal debt, a change in social status, benefits.

Ключевые слова: труд, родитель, родительский труд, субъект родительского труда, мотивация

Key words: parent, work, parental work, motivation, subject of parental work

Идея о том, что деятельность, связанную с рождением и воспитанием детей можно рассматривать как полноценную разновидность труда, звучит в современной российской социологии достаточно часто, и проработана она относительно подробно. В работах М.Г. Абиловой [1], А.П. Багировой [2], Д.Г. Быковой [6], А.М. Илышева [10], М.М. Пшеничниковой [18], а также целого ряда других авторов была не только обоснована сама идея о допустимости рассмотрения рождения и воспитания детей именно как формы труда, но и представлен методологический инструментарий, который может быть положен в основу исследований, отталкивающихся от данной идеи. Формирование этого вектора исследований отчасти является следствием развития самой социальной теории: в данном случае мы видим прямое развитие идеи У. Бека [4, с. 166], А. Тоффлера [19, с. 224] о том, что в современном социуме под понятие труда логически могут попадать даже те формы деятельности, которые ранее относились к чисто досуговым или семейным делам. Сказывается, вероятно и то, что подобная постановка вопроса удобна государству, которое во многих странах мира, включая Россию, все более отчетливо стремится регламентировать и практики рождения детей, и их воспитание. Иначе говоря, идея о перспективности анализа рождения и воспитания детей как формы труда оказалась актуальной и для научного сообщества, и для управленческой практики.

Исследования, выполняемые в данном русле, обычно оперируют особой профильной категорией – «родительский труд». Хотя в отношении отдельных тонкостей этого термина существуют явные научные дискуссии, мы полагаем, что в целом его понимание устоялось. И в данном случае нам близка позиция А.П. Багировой, что в наиболее общем виде под родительским трудом можно понимать «процесс сознательной,

целесообразной деятельности субъектов труда, с помощью которой они формируют количественные и качественные характеристики человеческого капитала детей, удовлетворяя в процессе этого труда как общественные, так и личные потребности» [3, с. 6]. Комплексность и многогранность сложившихся трактовок родительского труда говорят о том, что полноценный анализ этой темы предполагает поиски ответов на целый ряд сложных вопросов. Очевидно, что, несмотря на концептуальную проработанность темы и наличие целого ряда богатых на выводы исследований, социологический анализ родительского труда на данный момент не может дать однозначного ответа на все возникающие вопросы. Одним из таких принципиальных вопросов является мотивация субъекта родительского труда: рассматривая рождение и воспитание детей как разновидность труда, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом, что вообще стимулирует человека заниматься подобной деятельностью, насколько осознанно он к этому подходит и каких результатов хочет добиться?

Вопрос о потенциальной мотивации субъектов родительского труда представляется не менее сложным, чем сама постановка вопроса о концептуальной возможности рассмотрения родительской деятельности сквозь призму категории труда. Разумеется, родительский труд, как и вообще любая разновидность человеческой деятельности, совершается субъектом с той или иной целью. Более того, даже можно предположить, что, поскольку суть родительского труда предполагает его направленность на рождение и воспитание детей, то и система мотивов субъектов родительского труда тем или иным образом должна быть связана с ориентацией на эти процессы. Тем не менее, реконструкция подобных мотивов представляет собой не простую задачу. Сложность связана как с разнообразием потенциальных субъектов родительского труда, так и не с простотой самой сути такой трудовой деятельности. Тем не менее, на наш взгляд, можно выделить определенный ряд подходов, приближающих нас к пониманию мотивов субъекта родительского труда.

Прежде всего, можно попробовать выявить и описать потенциальные мотивы родительского труда с помощью классической для социологии теории социального действия М. Вебера. Согласно теории М. Вебера, всю совокупность социальных действий можно классифицировать на целерациональные (совершаемые осознанно и с прагматической ориентацией на выгоду), ценностнорациональные (совершаемые осознанно и с ориентацией на соответствие неким убеждениям, ценностям), традиционные (совершаемые исключительно в силу привычки) и аффективные (совершаемые под воздействием сиюминутных эмоций) [7]. Применяя эту теорию к анализу родительского труда, мы можем заключить, что система его мотивов может также сводиться к ориентации либо на выгоду, либо на убеждения, либо на привычку, либо на эмоции. Определенная логика в этом есть, поскольку очевидно, что по своей природе родительский труд представляет собой разновидность социального действия (то есть действия, совершаемого с ориентацией на других людей). Тем не менее, хотя эта теория очень часто применяется к анализу самых разных социальных явлений и даже позиционируется некоторыми авторами как едва ли не универсальная объяснительная модель (такую оценку высказывал, в частности, Х. Йоас [12]), в нашем случае ее использование все же не вполне целесообразно. Но, учитывая данное выше определение, одной из особенностей родительского труда является все же осознанность, целенаправленность, а значит, традиционные или аффективные мотивы выходят за рамки исходного определения.

Другой потенциально перспективный подход к реконструкции мотивов субъекта родительского труда мы можем обнаружить, экстраполируя на контекст своей темы теорию Т. Парсонса [17, с. 20]. Согласно концепции, отраженной в его трудах, любая личность представляет собой определенную систему ориентации и мотивации к действию, вектор поведения которой зависит от так называемых «потребностных диспозиций». Эти «потребностные диспозиции», по версии авторов, продиктованы внешней

средой, культурой, и побуждают людей действовать тем или иным образом, подстраиваясь под внешние обстоятельства. Следовательно, если мы опираемся на этот подход, то можно заключить, что мотивация субъектов родительского труда во многом обусловлена тем, какие стимулы они получают из внешней среды. Вопреки определенному догматизму и сложности, теория, представленная Т. Парсонсом, получила довольно большое распространение в науке и использовалась в ходе конкретных исследований. Проблема заключается в том, что, как справедливо замечает О.А. Никифорова, в этой теории личность предстает заведомо пассивной, ведомой: вектор ее выбора зависит не от ее внутреннего состояния и предпочтений, а сугубо от того, какой именно стимул она получает извне [16, с. 235]. Поэтому мы полагаем, что в контексте данной темы обращение к теории Т. Парсонса также не вполне целесообразно.

В несколько иной плоскости лежит концепция символического интеракционизма, которая также потенциально может быть применена для реконструкции системы мотивов субъекта родительского труда. В основе этой теории, идущей от Дж. Г. Мида [13] и Г. Блумера [5], лежит идея, согласно которой мотивация человеческого поведения, сколь бы рациональной и осознанной она ни была, в значительной степени мотивирована желанием человека показать определенный сигнал другим людям. С точки зрения символического интеракционизма, часто само по себе действие имеет для субъекта этого действия меньшую ценность, чем символическое соответствие этого действия установкам, получаемым от тех или иных референтных групп. Следовательно, если мы опираемся на эту теорию, то получается, что мотивация субъекта родительского труда во многом будет определяться тем, какой символический эффект он хочет или может произвести, выполняя такой труд. Отталкиваясь в рассуждениях от идей символического интеракционизма, можно получить потенциально интересные выводы, а потому не удивительно, что данная концепция получила определенное распространение в социологии, приведя и к

появлению теории фреймов И. Гоффмана [8], и к формированию акторно-сетевой теории Б. Латура [9]. Тем не менее, в контексте нашего исследования мы полагаем подобную трактовку мотивов субъекта родительского труда слишком узкой и исходим из того, что такая мотивация может быть все же более разнообразной.

Подойти к выявлению мотивов родительского труда возможно, обращаясь к теории мотивации А. Маслоу [14] и ее более поздним модификациям (например, к трудам Р. Инглхарта и К. Вельзеля [11]). Суть идей А. Маслоу и его последователей заключалась в том, что действия человека всегда продиктованы ощущением относительной неудовлетворенности каких-то важных потребностей. Причем сами эти потребности имеют определенную уровневую иерархию: пока не удовлетворены потребности более низкого уровня, человек не стремится думать о потребностях более высокого уровня. Если мы экстраполируем эту логику на феномен родительского труда, то сможем прийти к выводу, что мотивация субъекта такого труда обусловлена ситуативно и определена теми потребностями, которые он ощущает неудовлетворенными в тот или иной момент времени. Такой подход к реконструкции мотивов субъекта родительского труда видится перспективным – логичность предположения о том, что действия субъекта вдохновлены стремлением удовлетворить нереализованные потребности, фактически очевидна. Тем не менее, некоторая уязвимость такого подхода будет проявляться в его релятивизме: сами потребности могут быть определены принципиально по-разному и динамика их перемен у конкретного субъекта может быть очень высокой. Соответственно, отталкиваясь от этих идей в реконструкции мотивов субъекта родительского труда, мы можем прийти к принципиально спорным и неоднозначным выводам. Здесь же проявляется и недостаток, о котором мы говорили, рассматривая подход Т. Парсонса: получается, что мотивация субъекта во многом сконструирована внешне и просто зависит от того, насколько удовлетворены те или иные потребности.

Мы полагаем, что для реконструкции системы потенциальных мотивов субъекта родительского труда более плодотворно обратиться к теории детерминации человеческого действия, предложенной А.В. Меренковым. Согласно этой теории, в основе любой человеческой деятельности лежит осознание человеком некой необходимости его совершить – то есть понимание того, что отказ от совершения некого действия приведет к негативным для него последствиям [15, с. 144]. Необходимость же приводит к появлению у человека потребности – установки на совершение конкретного действия, которое позволит преодолеть возникающее состояние неудовлетворенности [15, с. 149]. Дальнейшие действия субъекта могут быть принципиально разными и ориентироваться как на поддержание уже имеющейся жизни, так и на создание чего-то нового, но вне зависимости от этого, первопричина действий субъекта в любом случае лежит в осознании им некой необходимости и формировании релевантной потребности. Важно, что оставаясь в своих рассуждениях созвучным А. Маслоу и его последователям, А.В. Меренков все же не сводит действия человека к простым механическим реакциям на внешние стимулы и полагает, что человек в принципе способен выбирать и даже планировать свои действия, необходимость которых возникает после осознания необходимости и потребности [15, с. 152]. Поэтому опираясь на теорию А.В. Меренкова, мы получаем возможность реконструкции мотивов субъекта родительского труда, исходя из представления о нем как о рациональном, способном на выбор деятеле.

В итоге, принимая за основу подход А.В. Меренкова, мы встаем перед необходимостью установить первичную необходимость и потребность, с которыми сталкивается потенциальный субъект родительского труда и которые, собственно, и побуждают его к совершению такого труда. На наш взгляд, здесь следует выделять несколько потенциальных мотивов.

1. Мотив любви, крайней эмоциональной симпатии. Предполагает преимущественную ориентацию субъекта родительского труда на

эмоциональное удовлетворение от самого факта выполнения родительского труда. Возникает в том случае, когда субъект испытывает глубокую личную привязанность, симпатию, любовь к конкретному ребенку и сталкивается с желанием реализовать их в форме заботы о нем.

2. *Мотив продолжения рода.* Связан с желанием человека продолжить свой род, воплотить часть самого себя в будущем ребенка. Проявляется тогда, когда человек особенно остро ощущает конечность своего собственного существования и чувствует необходимость хотя бы символически защититься от этого ощущения.

3. *Мотив выполнения общественного долга.* Содержательно связан с желанием человека принести пользу обществу: ребенок воспринимается им в первую очередь не как объект любви или продолжение самого себя, а как человек, потенциально способный помочь обществу в будущем. Такой мотив, как мы полагаем, может возникать в силу осознания необходимости общественного признания в ситуации, когда получить такое признание иным образом затруднительно.

4. *Мотив выполнения личного долга.* Субъект в данном случае чисто механически взваливает на себя обязательства по выполнению этого труда, потому что, хотя он сам этого и не хочет брать на себя такой труд, его внутренняя система убеждений, ценностей, препятствует какому-то иному поведению. Подобный мотив родительского труда может прослеживаться в том случае, если человек испытывает необходимость принципиально следовать некой системе убеждений и ощущает, что, отступая от такой системы, будет ощущать себя морально дезориентированным или даже неполноценным.

5. *Мотив изменения социального статуса.* Этот мотив связан с ориентацией субъекта на изменение своего положения в обществе: изменение брачного статуса, обретение новых друзей (поводом для знакомства с которыми может стать сам факт родительства). Мы исходим из того, что проявляться такой мотив может у людей, нуждающихся в новых

социальных связях или ином месте в социальной структуре, а непосредственным стимулом к родительскому труду выступает в данном случае страх одиночества.

6. Мотив получения материальной выгоды. Ориентация субъект при такой мотивации направлена на получение различных выгод – прямых выплат, льгот, скидок. Сам родительский труд воспринимается субъектом лишь как инструмент получения таких выгод. Главный же стимул его поведения вдохновлен стремлением к выгоде.

Таким образом, мы будем исходить из того, что возможно 6 различных вариантов мотивации субъекта родительского труда. Отметим в заключение, что, сколь бы комплексную систему мотивов субъекта родительского труда мы ни выводили, она все равно будет ограничена в силу как минимум трех причин. Во-первых, едва ли хоть одна из классификаций мотивов субъектов родительского труда может быть признана стопроцентно точной и исчерпывающей – человеческая мотивация представляет собой очень многогранный и не до конца изученный феномен, а потому всегда следует допускать, что ее проявления могут быть не настолько предсказуемы и унифицируемы. Во-вторых, система мотивации каждого конкретного субъекта родительского труда сложна и вряд ли может быть сведена только к одному параметру – скорее всего, в каждом конкретном случае мы можем сталкиваться с комбинацией разных вариантов. В-третьих, система мотивов каждого конкретного субъекта родительского труда динамична, а потому у каждого конкретного субъекта с течением времени может меняться как набор мотивов, так и их иерархия.

Список литературы

1. Абилова М.Г. Активизация репродуктивного труда в России: методы оценки эффективности процесса и их реализация // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2010. № 3. С. 64-66.
2. Багирова А.П. Методология исследования репродуктивной активности как развитие теоретических основ экономики репродуктивного труда. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Екатеринбург. 2009. 353 с.
3. Багирова А.П. Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та. 271 с.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция. 2000. 384 с.
5. Блумер Г. Общество как символическая интеракция [электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/16710989.html>
6. Быкова Д.Г. Оценка результатов родительского труда на примере его дошкольной стадии // Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление. Материалы ежегодной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений. Воронеж. 2016. С. 33-38.
7. Вебер М. Основные социологические понятия [электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Weber/osn_soc.php
8. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного быта. М.: Институт социологии РАН. 2004. 752 с.
9. Ерофеева М. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия [электронный ресурс]. - Режим доступа:

<http://www.intelros.ru/readroom/sociologiya-vlasti/soci-1-2015/26852-aktorno-setevaya-teoriya-i-problema-socialnogo-deystviya.html>

10. Илышев А.М., Лаврентьева И.В. Стратегия включения репродуктивного труда в экономику России. М.: ИД "Финансы и кредит". 2005. 368 с.
11. Инглхарт Р., Вельзель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М. 2011. 464 с.
12. Йоас Х. Макс вебер и происхождение прав человека: исследование культурной инновации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 32-50.
13. Кравченко Е.И. Научные мировоззрения Дж.Г. Мида в курсе истории и теории социологии // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 131-140.
14. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб: Питер. 2008. 352 с.
15. Меренков А.В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург: УГГУ, 2007. 280 с.
16. Никифорова О.А. Феномен мотивации труда в социологии управления // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 1 (63). С. 233-238.
17. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 1998. 270 с.
18. Пшеничникова М.М. Родительский труд как объект экономического анализа // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 39. С. 23-29.
19. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ. 2008. 569 с.